

Подчеркну: это не лозунг «цель оправдывает средства», нет. Это идея, если угодно, прогрессорства, содействующего объективно возможному и необходимому развитию общества в условиях, когда субъективный фактор – инерция конформистских слоев – противостоит прогрессу. Здесь, однако, принципиален «нюанс»: это прогрессорство может и должно иметь исключительно культурные формы. Политическое и идеологическое насилие вызовет лишь обратный эффект.

Отсюда важная «лакмусовая бумажка» прогрессивности таких действий: если творческая интеллигенция, не формальная элита, а действительно наиболее талантливая, творческая часть интеллигенции поддержит это движение, то это будет важным признаком того, что движение идет в правильном направлении.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 90 ЛЕТ

*Бузгалин А.В.,
д.э.н., профессор МГУ*

Время – безжалостно. И нелинейно. Оно не просто расставляет все по своим местам, но и многократно перетряхивает уже расставленные по полочкам оценки. Октябрьская революция также многократно была оценена и переоценена на протяжении этих 90 лет. И этот процесс будет продолжаться.

Сегодня среди этих оценок доминирует хула. И это не случайно: мы находимся на реверсивном (попятном) витке истории. Тем важнее сейчас вновь честно и открыто размышлять о великих подвигах и чудовищных ошибках всех тех, кто творил нашу Революцию. Не ставя себя выше них, но понимая всю важность учета того видения, что дает ретроспектива 90 лет. Не камуфлируя своих коммунистических взглядов, но и не давая им исказить видение объективных процессов. Не стремясь к истине в последней инстанции, но и не отказываясь от открытой полемики со своими коллегами.

1. К теории социалистической революции: некоторые дополнения к традиционным положениям Маркса и Ленина

К сожалению, далеко не всем из молодых читателей, даже относящих себя к сторонникам социалистической идеи, знакомы основные положения теории социалистической революции, развитые в работах ведущих теоретиков этой темы – К. Маркса, В. И. Ленина, Р. Люксембург, Л. Троцкого, Э. Гевары и др. Суммирование и систематизация взглядов этих ученых, – очень разных, но в главном, в теоретическом исследовании проблемы перехода к качественно новой (по отношению к капитализму, всему «миру отчуждения»), единых, – были бы, наверное, весьма полезны; но автор этих строк ставит перед собой иную задачу – не столько повторения и систематизации имеющихся наработок, сколько их некоторого дополнения и развития.

Этот текст – часть долгой теоретической работы автора. И в том, что касается фундаментальных аспектов теории революции, я пока что не многое наработал по сравнению с концом 2004 г., когда была опубликована моя статья на эту тему¹. Главное там было сказано. Но это главное принципиально важно для аргументации моей позиции в полемике с коллегами, столь же пристрастно изучающими проблему природы нашей революции, и потому я решился в качестве введения к данному разговору вставить в этот текст краткие выдержки из предыдущей публикации.

1.1. Революция как праздник: диалектика созидания и разрушения

Начнем с очевидного: революция ломает старую систему институтов отчуждения и знаменуется кратковременным торжеством отношений непосредственного социального творчества истории, новых общественных отношений самими массами и в этом смысле – кратковременным торжеством царства свободы. Не менее важна и обратная связь: **царство свободы** как снятие отчужденных детерминант жизни человека **есть перманентная революция**. В момент революции (а она может длиться долгие дни или несущиеся стремглав годы), когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, и рождается тот самый «праздник угнетенных», когда вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите, чувствуя «опьянение свободой».

Как период снятых внешних детерминант и предельно раскрепощенного социального творчества *революции становятся полем широчайших и глубочайших достижений в области самоорганизации и сотворения новых общественных форм*. В эти короткие, но предельно насыщенные периоды сами граждане рождают на основе инициативы снизу столько новых общественных отношений, сколько эволюционные периоды не приносят за десятилетия.

¹ См.: Бугалин А.В. Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура // Альтернативы, 2004, № 4.

Это становится и причиной, и следствием невиданного в иное время *всплеска широчайшего спектра реализованных (реализуемых) человеческих талантов, скрытых среди представителей самых разных социальных слоев и профессий*. Именно в революции общественная практика масс часто создает такие *новые социальные формы*, которые затем долго изучают и пытаются понять теоретики. Привычная логика творческой деятельности здесь как бы переворачивается: теоретическая модель и ее практическое воплощение рождаются почти одновременно. Примеры этого – Парижская коммуна, первые Советы в России 1905 года, опыт СССР со всеми его противоречиями и даже современное альтерглобалистское движение – хорошо известны.

Но эта мощная социальная энергия неизбежно несет в себе и противоположный потенциал, что очевидно: *революция по определению всегда есть и процесс разрушения старой системы*. Общеизвестно (во всяком случае, для знатоков классического марксизма, о чем мы уже мельком упомянули выше, обозначив *подход* к данной проблеме), что в принципе *разрушению в революции подлежат старье, отжившие свое социальные формы (производственные отношения, экономические и политические институты, социальные градации, идеологические стереотипы и т. п.)*. Однако на практике революции почти всегда разрушают вместе с тем и производительные силы, некоторые элементы культуры, уносят человеческие жизни. Было бы неверным считать ответственными за это только революции: едва ли не в большинстве случаев эти разрушения связаны с яростным сопротивлением старого мира, провоцирующего террор и войны¹. Но и революции не может не нести с собой разрушительного потенциала.

Суммируя сказанное о субъекте ассоциированного социального творчества и революции, мы можем определить в первом приближении *меру разрушительности/созидательности революции*².

Первая тем выше, чем (1) более жесткой, варварской и мощной была система отчуждения и чем (2) отчаяннее ее сопротивление – с одной стороны; чем ниже (3) уровень самоорганизации и (4) культуры революционных масс, но больше (5) стихийность и (6) влияние отчужденных мотивов борьбы (типа «грабь награбленное»), характерных для «обиженного» старой системой мещанства, – с другой стороны; чем слабее (7) мотивы (как объективные, так и субъективные) борьбы за собственно социальное освобождение и, следовательно, больше (8) «забегание революционеров вперед» по отношению к объективным возможностям сотворения новых отношений.

И, напротив, *революция будет тем более созидательно-освободительной, чем в большей степени [1] прогнила старая система* (глубоки

¹ Подробнее об ответственности господствующего «старого» класса и революционных сил за инициирование и использование насилия в революции см. в работе автора «Анти-Роррег» (М.: URSS, 2004).

² Автор в данном случае в основном суммирует хорошо известные положения Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Троцкого и других революционеров-марксистов.

ее объективные противоречия) и [2] слаб господствующий класс («верхи не могут управлять по старому»); чем [3] в большей степени общество не только находится в кризисе («низы не хотят жить по старому»), но и готово к социальным преобразованиям как [4] материально (имеются достаточные объективные социально-экономические и т.п. предпосылки генезиса нового типа общественной организации), так и [5] духовно (востребованность революции значительной частью критически мыслящих граждан и творческой интеллигенции, предреволюционная атмосфера в культуре и общественном сознании); чем в большей степени [6] субъект революционных изменений осознал свои конструктивные цели (в частности, превратился из «класса-в-себе» в «класс-для-себя») и, следовательно, [7] подготовлены общественные формы самоорганизации этого субъекта (революционные силы организованы, способны к *позитивному* социальному творчеству, имеют достаточно мощные «социальные мускулы»), плюс чем более [8] культурны революционные силы (развит «социальный интеллект» революции).

В той мере, повторю, в какой развиты эти объективные и субъективные предпосылки, хорошо известные каждому марксисту¹, революция пройдет мирно и не разрушительно (для Человека, его производительных сил и культуры).

Эта «формула» однако, имеет крайне ограниченное значение, *ибо революции – это исторические явления* и происходят они не тогда, когда их в должной мере подготовила та или иная партия, а *объективно*; во многом независимо от воли и желания тех или иных политических сил. И потому не только искусственное форсирование, но и **всякое субъективное торможение революционного**

¹ В наиболее полном виде этот блок вопросов был развит в работах В. И. Ленина по проблемам социальной революции, о чем ныне принято «забывать» (отчасти, быть может, вследствие аллергии, развившейся от чрезмерно апологетических работ советского прошлого).

Не могу в этой связи не напомнить знаменитое ленинское определение революционной ситуации: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция – по общему правилу – невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218–219).

процесса контр-революционными силами чреватой реакцией и неисчислимыми материальными, культурными и прежде всего – личностными жертвами: в реакции люди гибнут и физически, и нравственно в масштабах не менее массовых, нежели в преждевременных бунтах. Классическим примером таких реакционных систем являются различные разновидности фашистских режимов (от итальянских, немецких и испанских до чилийского и иных латиноамериканских), возникавших, как правило, как реакция господствовавшего класса на угрозу развертывания социалистических преобразований¹.

Задача революционеров, следовательно, состоит не в том, чтобы совершать революцию «по правилам», а в том, чтобы понять реальную диалектику рождающихся и развертывающихся революционных событий, «алгебру революции» (я бы сказал, высшую математику, сложнейшую диалектику), максимально подготовить революционные силы и общество к грядущим потрясениям, содействовать, насколько это объективно возможно, сознательности и организованности революционных сил, помогая (как талантливый акушер) своевременному и сколь возможно безболезненному рождению нового социального организма. И здесь нерешительность и промедление могут быть не менее опасны, чем торопливость.

1.2. Социальные революции как временное торжество царства свободы.

Революции как праздник культуры

И все же эти аспекты революций относительно известны теоретикам-социалистам. Гораздо реже (за исключением ряда критических марксистов-«шестидесятников») акцентируется другая важнейшая особенность социальных революций – феномен своего рода *«коммунистичности»* любой (в том числе – буржуазной) *подлинной, идущей снизу, социальной революции*. Это явление сотворения массами элементов позитивной свободы особенно характерно для стадии революционного подъема, когда люди, ломая власть старых форм отчуждения, становятся, как мы уже сказали, на краткие исторические мгновения свободными. В этом смысле любая социальная революция есть ломка не только одной из исторически конкретных форм отчуждения (старой формации), но и **«революция против царства необходимости»**.

Более того, поскольку всякая революция (в том числе ориентированная «всего лишь» на смену одного способа угнетения на другой, более прогрессивный) есть вместе с тем и революция против мира отчуждения в целом (кратковременное торжество царства свободы – мы ниже еще раз специально обратимся к этому вопросу), постольку *всякая революция* (в том числе и не социалистическая) *стремиться сделать и объективно невозможное – хотя бы на время создать хотя бы некоторые элементы реального освобождения для трудящихся, а не только для*

¹ Автор в данном случае не рассматривает проблемы собственной природы фашизма и ответственности сталинизма за победу фашизма в Испании и Германии.

нового господствующего класса, и обеспечить простор для развития креатосферы.

Революция как борьба с отчуждением вкупе с уже отмечавшимся феноменом объективно обусловленного «опьянения свободой» рождает (и позволяет, кстати, теоретически объяснить) хорошо известный философам истории феномен **«забегания революций вперед»**, когда освобождающие себя массы заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям.

Отсюда, кстати, и **романтичность** всякой подлинно социально-творческой (прежде всего – революционной) деятельности, осуществляемой в условиях царства необходимости. *Революции романтичны по самой своей природе, как «абстракции будущего»*. Будучи качественным скачком, *революции становятся эпохой* (быть может, очень кратковременной – в несколько недель или месяцев, как, например, Парижская коммуна), *в которой люди живут не в делящемся настоящем, а в диалоге прошлого с будущим*, в процессе сотворения-рождения будущего, создаваемого-рождающегося здесь и сейчас.

Но здесь как никогда оказывается важна и обратная сторона этой медали: снятие внешних детерминант высвобождает поле для субъективизма и волюнтаризма, а простор самореализации Человека оборачивается и необузданностью антитворчества. За этой проблемой скрыто еще одно (**второе** из отмечаемых нами) **противоречие революции как социального творчества в мире отчуждения**: с одной стороны, она вызывает к жизни социальное действие огромных масс, призванных решать сложнейшие социально-творческие задачи, с другой – ломает все и всяческие институционально-организационные формы для столь массовой деятельности. Формы разрешения этого противоречия могут быть более или менее конструктивными в зависимости от *меры созидательности/разрушительности революции*. Ее «формулу» мы привели выше, но при этом, однако, мы хотим вновь подчеркнуть, что революция – это процесс объективный, и всякие «формулы» отражают лишь некоторые законы-тенденции, устойчивые социальные связи и не могут быть использованы для арифметического вычисления результата революционных действий (хотя могут и должны служить теоретическим компасом для прокладки курса в штормящем океане революции).

Кроме того, специально оговорим еще раз, что здесь особенно важна **мера «культурности» революции**, ибо, как мы отметили выше, именно эта мера должна ограничивать претензии революционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к нэпу, не принятое сталинистами).

Более того, оставляемый как бы «за скобкой» в данном случае анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосферы и социального освобождения позволяет показать, что **социальные революции являются** не только следствием противоречия производительных сил и производственных отношений, резкого обострения классовых противоречий (что относится – и совершенно справедливо – к неустаревающим азбучным положениям марксизма), но

и взрывом перенакопленного культурного потенциала общества, сжатого до взрывоопасного состояния «старой» системой отчуждения. Культуре (равно как и производительным силам – эти два феномена, кстати, частично пересекаются), развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнивающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремится в лице своих лучших представителей как бы к самозащите от агрессивно-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации (я пока веду речь об объективных слагаемых последней).

Не случайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах «диссидентской» (и, как правило, творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры старой системой, которая одной рукой пытается влить в свое дряхлеющее тело «кровь молодых девушек» (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное.

Отсюда, в частности, тот всплеск культуры, которым сопровождается подлинная позитивная социальная революция – будь то Ренессанс как слагаемое буржуазной революции или пред- и послереволюционный подъем культуры в России XX века.

Но всякая революция, как мы показали выше, есть и разрушение старой системы, когда «заодно» с прежней, устаревшей системой производительных сил и надстройкой революционные силы (в XVI – XIX веках – «третье сословие», в том числе – буржуазия, в XX – трудящиеся и прежде всего пролетариат) разрушают и материальные, и культурные элементы экономической и политической систем прошлого. *В этой диалектике освобождения и разрушения – суть революции, и именно мера этого соотношения (с учетом и меры реакционности, разрушительности прежней системы¹) показывает действительную*

¹ Так (используем наиболее очевидный пример), слом фашистской модели капитализма и обеспечение победы модели социал-демократической потребовали массовых человеческих жертв и привели к колоссальному разрушению материальной и духовной культуры (вплоть до массированных бомбардировок городов Германии английской авиацией и уничтожения в ядерном пожаре сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки американской «демократией»); какие из этих жертв были необходимы, а какие нет для того, чтобы остановить развертывание на Земле фашистской системы – сложнейший вопрос. Так же стоит вопрос и в других случаях: буржуазные революции предотвращали дальнейшее варварское угнетение человека, культуры и производства реакционными феодальными системами, но несли неисчислимые жертвы, которыми Кромвель и якобинцы оплачивали свои победы. Социалистическая революция в России стала (вкпе с революцией в Германии) условием прекращения I Мировой войны и предотвращения образования в России диктаторской модели все того же «военно-феодалного империализма», но она же вызвала агрессию со стороны «белых» и Антанты. Есть, однако, и

прогрессивность (или реакционность, т. е. по сути контрреволюционный характер) тех или иных качественных социальных преобразований. И в этом смысле мы имеем теоретически определенную меру, позволяющую отнести всякое качественное изменение общества к ряду революций (при всей их трагической неоднозначности) или контрреволюций (при некотором позитивном потенциале и этих действий).

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, мы можем сказать, что **только тот социальный качественный сдвиг («взрыв»), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса культуры, чем предыдущая (или, в коммунистической революции, снятию отчуждения) и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией** (а не бунтом), **праздником не только угнетенных, но и культуры.**

1.3. Революции как праздник *трудящихся* и локомотивы истории

Общеизвестно, что всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем, чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Не случайно поэтому *революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов», когда трудящиеся могут на деле почувствовать свою созидательную мощь, доказав практически свою способность самим стать достойными хозяевами общественной жизни.*

В результате именно **революция делает «простого» человека творцом.**

Другое дело, что угнетенные классы так же двойственны, как и творческая интеллигенция. **В массах** (будь то «третье сословие» в буржуазной революции или пролетариат в раннесоциалистической) **скрыты, как мы показали выше, мощные оппозиции раба-слуги системы отчуждения и социального творца. Революция предельно обнажает это противоречие**, открывая простор для энергии (в том числе – разрушительной) как созидателю, так и обывателю-разрушителю, взбешенному ужасами прежней системы (как тут не вспомнить известный тезис о кошмарах, которые способен сотворить «взбешенный ужасами капитализма мелкий буржуа»). При этом снятие жестких социальных ограничений с обывателя в условиях разрушения не только внешних институтов, но и устоявшихся

другие примеры псевдореволюций (полпотовская диктатура – типичный пример), в которых мера разрушения превышала меру созидания, рождая реакционные социальные системы, выступавшие под революционными знаменами.

нравственных норм превращает конформистскую часть трудящихся (в капиталистическую эпоху – прежде всего мелкую буржуазию) в «хама».

Будучи особым миром социального творчества, [временным – если мы говорим о социальных революциях в рамках царства необходимости] торжеством социальной свободы, революция рождает особый тип социального времени и пространства. *Мощные выбросы энергии революционного творчества массового субъекта спрессовывают социальное пространство и время, существенно меняя их конфигурацию.*

В течение нескольких дней или месяцев в революционные периоды происходит столько исторических событий, сколько не случается за десятилетия застоя или стагнации. *Время революции как время непосредственного социального творчества несется необычайно быстро*, требуя от участников этого процесса столь же быстрой и точной, самостоятельной творческой (и в этом смысле – обязательно *талантливой*) реакции (выше я особо отметил, что в условиях революций человеческие таланты оказываются востребованы в массовых масштабах, ибо *истории, которая, так же как и природа, не терпит пустоты, в условиях слома старой системы требуются – и в массовых масштабах – творцы новых общественных форм*; в этом величие и опасность этих эпох).

Не менее радикально изменяется и социальное пространство: *революция спрессовывает субъектов социального творчества в единый интернациональный мир*, где рабочие и крестьяне не только крупнейших стран, но и деревень в глухих районах других континентов (и это, заметим, в эпохи, крайне далекие от информационной эры) не просто узнают о революции (в Петрограде или Париже), но и готовы своими действиями поддержать товарищей по борьбе. В этих условиях *центр и периферия существенно меняют свою конфигурацию*; зачастую вообще преодолевается периферийность, и на маленьких окраинах «цивилизованного мира» (таких, например, как Куба в конце 50-х годов XX века) происходят события, потрясающие весь мир. В результате спрессованное в пространстве и во времени социальное творчество миллионов людей (до и после революции, в «обычные» эпохи рассеянное по миру и истории) вызывает к жизни огромные общественные силы, порождая *чрезвычайную насыщенность этих кратких эпох взаимосвязанными событиями и изменениями.*

В условиях социальных революций *историческое время несется необычайно быстро, а пространство спрессовывается, сокращая социальные дистанции между людьми, классами и государствами, ибо здесь действуют законы непосредственного социального творчества*, когда для созидания новых общественных отношений используется энергия (1) *широких масс*, а не узкого слоя элиты, и (2) эта энергия направляется на творение истории *прямо и непосредственно* (вне барьеров отчуждения). Именно поэтому революции становятся *«локомотивами истории».*

Суммируя эти краткие теоретические размышления, можно сделать вывод, что **основными предпосылками, которые подводят человечество вплотную к великой эпохе перехода из царства необходимости в царство свободы и социального творчества, являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, становятся:**

1) *рост производительности труда и материального богатства, прогресс производительных сил, создающие необходимые основы для социального освобождения; и в этом смысле все трудящиеся, независимо от их субъективного отношения к прогрессу свободы, являются созидателями материального фундамента последнего;*

2) *прогресс креатосферы, являющийся, с одной стороны, импульсом повышения производительности труда, прогресса производительных сил, в конечном счете – прогресса личностных качеств человека (развития его родовой сущности), вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор развития, а с другой – основой «культурности», созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной «прививкой» против активизма и чрезмерной нпосоологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории; и в силу этого все культурно-творческие силы общества, все, кто созидает на протяжении тысячелетий мир креатосферы, также служат делу освобождения Человека;*

3) *борьба за социальное освобождение (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее – классовой борьбе пролетариата); пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и, в конечном счете, ведет к формированию субъекта ассоциированного социального творчества, непосредственно совершающего подвиг социального освобождения – **коммунистическую социальную революцию**; вот почему все подлинные революционеры и реформаторы, борцы за справедливость и свободу («Гренада, Гренада, Гренада моя...») стоят в едином строю тех, кто совершали эту революцию.*

2. Октябрьская революция: полемика с товарищами

Девяносто лет, прошедших с момента совершения Октябрьской революции, вызвали огромный поток полемики по поводу ее природы и последствий. Оставляя в стороне полемику с откровенными антикоммунистами и широкий международный контекст дебатов, хотелось бы в этом тексте лишь коротко сформулировать основные пункты разногласий с моими товарищами по исследованию природы Октябрьской революции и возникшего в ее результате общества. Это тем более важно, что наша общность уже засвидетельствована (заявление 17 профессоров в связи с юбилеем революции 17-го года публикуется в этом же номере журнала), а позиции моих коллег во многом отражают сложившийся не только в нашей стране, но и в мире круг спорных вопросов. Комментируя же спорные тезисы, я буду апеллировать к приведенной выше теоретической части.

Оставляю в стороне мало интересную для читателей «Альтернатив» дискуссию о том, были ли Октябрьские события 1917 года революцией или заговором кучки амбициозных политиканов. В работах сотен серьезных историков, политологов, социологов и философов показано, сколь качественные изменения произошли после 1917 года во всей социальной жизни нашего Отечества и многих других стран мира, сколь значимые общественные силы были вовлечены в них, причем в качестве активного субъекта, а не пассивного объекта преобразований, сколь широка была поддержка начинаний революции и в нашей стране, и во всем мире. Серьезными учеными доказано, что **в 1917 году начались революционные, эпохальные изменения**. Начну же я с главного вопроса, дискутируемого в нашей среде: какова была природа революции (революций?) 1917 года?

2.1. Была ли Октябрьская революция социалистической? (К вопросу о возможности опережающего развития ростков социализма на неадекватном базисе)

В рамках авторского коллектива «Альтернатив» главным критиком, казалось бы, незыблемого в рамках прежней советской традиции тезиса об Октябрьской революции как социалистической стал М. И. Воейков (с некоторой частью из них солидаризируется отчасти и А. И. Колганов)¹. Развивая тезисы А. Грамши, Р. Люксембург, ряда представителей международного троцкистского направления и т. д., он доказывает, что по своим реальным результатам и реальным движущим силам Октябрь 1917 года был продолжением Февраля, частью единого процесса буржуазной экономической, социальной и даже технологической революции в России. Соответственно, ключевым выводом автора является положение о буржуазной, в общем и целом, природе «реального социализма».

Основные аргументы М. И. Воейкова известны нашим читателям: главным субъектом революционных событий не мог быть пролетариат (он был крайне малочислен в России), и он им не стал. Главные задачи, которые действительно решила революция, были буржуазными (индустриализация, урбанизация, ликвидация неграмотности и т.п.). Социально-экономические отношения, господствовавшие в СССР, трудно назвать социалистическими, ибо мера отчуждения человека от труда, его средств и результатов была в условиях этой системы едва ли не выше, чем в условиях «классического капитализма». Следовательно, делает вывод профессор Воейков, эта революция объективно была буржуазной.

¹ Воейков М. 13 тезисов о классовой борьбе в России // Альтернативы, 2006, № 2; Воейков М. Средние слои в социальной структуре современной России // Альтернативы, 2000, № 2; Колганов А. Почему погибла Советская держава? (тезисы к дискуссии) // Альтернативы, 2001, № 3; Колганов А. Границы капитализма // Альтернативы, 2006, № 3.

С ним активно спорит Б. Ф. Славин, акцентируя внимание на социалистических слагаемых революции¹. Это и природа партии большевиков, других левых партий, совершавших революцию, и содержание многих социально-экономических преобразований (не только национализации, но и планирования, социальных гарантий и т. п.), и новый тип человека, возникшего в результате победы этой революции, и самосознание ее субъектов, и др.

С этими аргументами трудно не согласиться, но, тем не менее, они мне кажутся недостаточными. Они доказывают прежде всего то, что и в самой революции, и в системе, возникшей после ее свершения, были реальные ростки нового, посткапиталистического общества. Это доказать можно, и с этим, в конечном итоге, согласится если не Воейков, то Колганов.

Гораздо сложнее доказать, что *действительное содержание октябрьской революции было социалистическим*. И здесь я хочу обратиться к некоторым теоретическим положениям о природе революции, высказанным выше.

Как было специально подчеркнуто в первом разделе статьи, главным критерием социальной революции является пробуждение к жизни массового социального творчества. И Октябрьская революция действительно стала источником такого творчества низов. Она вызвала к жизни созидание самими трудящимися новых социальных форм, несших в себе ростки (именно ростки – иного и не может быть в исходном пункте нового общества, каковым является революция) отношений нового общества.

Этот тезис, конечно же, требует подробного историко-документального обоснования, но даже исторически не слишком просвещенный исследователь знаком с примерами *десятков тысяч новых форм социальной организации*, созданных еще в годы Гражданской войны, а уж тем более – в 20-е годы. Они создавались везде. В экономике ими были коммуны и реальные кооперативы, программы долгосрочного экономического развития (ГОЭЛРО) и формы всенародного учета и контроля... В политике ими стали Советы и массы новых общественных организаций и движений; по размаху форм социально-политической и иной самодеятельности (того, что ныне называется «grassroots democracy») СССР первых 10 лет революции не знает себе равных. В общественной жизни и культуре это пробуждение к жизни миллионов «рядовых» граждан, участвовавших в ликвидации беспризорности и неграмотности, строительстве дирижаблей и спорте, создании новых художественных объединений и театров, немислимом ни до, ни после размахе художественной самодеятельности при огромном взлете профессионального искусства...

Да, все это было сопряжено и с многоукладностью нэповской экономики, и с растущей бюрократизацией политической системы и т. п. Да, все это социальное

¹ Славин Б. Кто сегодня определяет ход истории? // Альтернативы, 2000, № 2; Славин Б. Еще раз о природе социализма // Альтернативы, 2000, № 4; Славин Б. Почему советское общество не было буржуазным // Альтернативы, 2002, № 4; Славин Б. Социализм и Россия // Альтернативы, 2004, № 4.

творчество базировалось на отсталых производительных силах и решало задачи, лежащие в общем и целом в рамках буржуазного горизонта (от электрификации до массовой физкультуры). Но решало оно их на основе *новых, посткапиталистических форм организации*. Эти формы творили *новые субъекты* – по-новому (ассоциации) взаимосвязанные новые (по своим ценностям и мотивам) люди. Видимым символом этого процесса стала *радостно-приподнятая, романтическая, полная энтузиазма атмосфера*, бывшая не единственной, но господствующей социальной музыкой революционной эпохи.

Более того, это была атмосфера ускорения социального времени («Время – вперед!») – это не просто имя музыкального произведения, это ритм эпохи) и открытия новых пространств – Неба (повальное увлечение авиацией), Севера и т.п.

Так мы в практике первого десятилетия Октября находим еще три признака социалистической революции: романтическое сотворение ее просыпающимися к новой жизни низами; музыкальность и праздничность; ускорение социального времени, спрессованность и одновременно открытость социального пространства.

Наконец, это была и культурная революция: Октябрь дал начало новому культурному процессу, имеющему очевидно посткапиталистическую природу, что доказала в своих работах Л. А. Булавка¹.

Вот почему я берусь утверждать, что диалектика Октябрьской революции не сводима к однозначной оценке: «буржуазная – социалистическая».

Да, она на капиталистических (подчас даже раннекапиталистических) основаниях решала задачи, которые в принципе должна была решать капиталистическая система. Но она решала их *некапиталистическими методами и вызывая к жизни некапиталистические социальные формы*, что привело, в частности, к тому, что и сами эти буржуазные задачи были решены иначе.

Если мы попытаемся проследить собственно социалистическую линию, идущую от Октября, то мы заметим, что в нашей стране, если и были действительные достижения, то в деле решения задач:

- не столько буржуазной индустриализации (ориентированной прежде всего на массовое производство потребительских благ), сколько полу- (мутантно-) социалистической научно-технической революции;
- не столько обеспечения буржуазной профессиональной грамотности, сколько полу- (мутантно-) социалистической общей высокой культуры населения;
- не столько обеспечения буржуазной демократии (ее-то как раз и не было, и это одна из причин краха СССР), сколько первых ростков более высокого низового демократизма – реального социального творчества.

Парадокс Октября и последующих лет состоял в том, что собственно буржуазные задачи-то мы решали как раз очень плохо (экономика дефицита вместо «общества потребления», технологическая отсталость вместо «более высокой

¹ Булавка Л. Коммунизм возвращается. Маяковский // Альтернативы, 2006, № 2.

производительности труда» и т. п.). *Единственно, где у нас были действительные успехи, так это как раз в сферах посткапиталистических (отчасти даже постиндустриальных) – в обеспечении общедоступного образования высокого уровня и ориентированного на формирование разносторонне развитого человека, а не узкого специалиста; в освоении космоса и фундаментальной науке; развитии высокой культуры и обеспечении ее доступности массам...*

Другой вопрос, который здесь возникает: *можно ли решать посткапиталистические задачи, не решив собственно буржуазных*, и не потому ли в конечном итоге рухнул «реальный социализм», что собственно буржуазные задачи массового потребления и т. п. у нас не были решены – мы пока оставим в стороне. Нам в данном случае было важно показать другое: то, что импульс Октября вопреки сталинскому террору и брежневскому застою дал мощный (хотя и постепенно истончившийся) поток новых общественных отношений и форм деятельности, человеческих поступков, ценностей и мотив постбуржуазного, социалистического типа.

Оппоненты могут возразить: это была не единственная линия Октябрьской революции.

Да, это действительно так. В ней было много и того, что характеризует как инерционность общественного развития, так и разрушительные составляющие самой революции. Низы СССР несли в себе не только начала ассоциированного социального творчества, но и родовые черты Хама. Интеллигенция частью шла в Революцию, созидавая в диалоге с массами новые чудеса техники и качественно новую культуру, а частью бежала от революции. Советская власть открывала тысячи новых школ и музеев, но Гражданская война и сталинская модернизация уничтожили массу объектов и – что гораздо страшнее – субъектов культуры...

В этом реальная диалектика революции. И диалектика эта была такова, что *баланс разрушения и созидания был очень подвижен и колебался*, вызывая фантастические достижения и чудовищные разрушения на протяжении долгих десятилетий, пока не завершился поражением советского проекта. Но это была именно революция.

Другой вопрос, была ли это революция «против «Капитала»»¹. Если смотреть на проблему узко политико-экономически и исходить только из одного тезиса Маркса

¹ Выше я постарался коротко показать, что это в любом случае это была революция против капитала. Да, она выродилась в конечном итоге, но это не отменяет собственной природы этой революции. Что же касается того, насколько Октябрьская революция произошла в соответствие с буквой и духом марксизма, то здесь следует помнить, что революции – объективное слагаемое исторического процесса. Они происходят, как мы вслед за Марксом отметили выше, не потому, что группка теоретиков и практиков от революции решила, что ее нужно совершить. Это взрыв социального котла с перегретым паром общественных противоречий. Именно этот взрыв и произошел в России 1917 года, и не случайно его кульминацией стали октябрьские события.

о том, что революция происходит там, где старые производственные отношения стали тормозом развития новых, обогнавших их производительных сил, то это действительно так. Но объективно произошедшие в XX веке во многих слабо- и средне-развитых странах антикапиталистические социально-экономические и политические изменения поставили *проблему возможности опережающего развития и решения в некапиталистических системах буржуазных задач* (1) прогресса технологии, создания позднеиндустриального уклада и перехода к постиндустриальному и (2) обеспечения материального благосостояния на уровне «общества потребления» для значимой части граждан, профессионального образования и т. д.

Ключ к решению этой теоретической проблемы отчасти дает методология «Капитала», прежде всего – теория формального и реального подчинения труда капиталу. В рамках последней показано, что сформировавшиеся «на вырост» производственные отношения капитализма при благоприятных социально-политических условиях (например, в Нидерландах с XVI века) могли обеспечить опережающее развитие технологий. И, наоборот, при неблагоприятных условиях индустриальные технологии могли развиваться в феодальных формах (крепостные фабрики в России XIX века).

Отсюда гипотеза возможности развития при благоприятных условиях отношений формального освобождения труда на базе недостаточных для посткапиталистической системы технологических и культурных предпосылок.

В этой связи автор предлагает уточняющую основные ленинские идеи гипотезу условий, при которых возможно «достраивание» предпосылок нового общества, в условиях, когда революционный переход к его созиданию начался на неадекватной базе. К числу таких **условий опережающего развития предпосылок и элементов социализма** на неадекватном материальном базисе относятся, как минимум, следующие.

(1) Разработка и реализация стратегии решения буржуазных задач (прежде всего – создания позднеиндустриального технологического базиса и обеспечения рационального уровня потребления населения) новыми методами и в новых социальных формах. В частности, среди таких форм должны были бы быть отношения формального освобождения труда (самоуправление, социальное творчество и новаторство работников в условиях фордистской модели организации труда: ситуация не более, но и не менее противоречивая, чем капиталистическое производство на базе ручных орудий труда), новые формы утилитарного потребления (в СССР не были найдены действенные гуманистические альтернативы ни «обществу потребления», ни «экономике дефицита», а это едва ли не ключевые проблемы раннего социализма) и т.п.

(2) Развитие постиндустриальных технологий и сфер деятельности, адекватных вызовам нового общества, а не имитирующих процессы позднего капитализма (для социализма должны быть характерны постиндустриальные

процессы: развитие прежде всего массового высококачественного образования, здравоохранения, культуры, науки, рекреации природы и общества, трудосберегающих технологий, всех других форм креативной деятельности, развивающей человеческие качества, а не милитаризма, финансовых спекуляций и масс-культуры), причем при помощи новых социально-экономических отношений.

(3) Наличие мощной энергии социального творчества («энтузиазма»), формирующего отношения формального освобождения труда и компенсирующего недостаточное развитие материально-технических предпосылок. Социализм, конечно же, нельзя построить только на энтузиазме, но *без энтузиазма, без энергии социального творчества значительной части общества социализм построить также невозможно*. Справедливость обеих тезисов в полной мере подтверждает опыт генезиса и краха «реального социализма».

(4) Приоритетное развитие подлинной культуры как второго (наряду с социальным творчеством) неотъемлемого слагаемого «компенсации» недостаточного развития материально-технического базиса.

(5) Использование наиболее развитых форм «старой» социально-экономической организации там, где для формирования новых нет условий в рамках смешанных общественных систем; более того, развертывание новых форм только в той мере, в какой присутствует достаточная социальная энергия для их выращивания. Существенна при этом динамика в соотношении старых и новых форм: для Китая последних десятилетий, как и СССР эпохи нэпа, характерна смешанная экономика, но между ними есть принципиальное различие: в первом случае цели стоят чисто буржуазные (рост ВВП и прогресс «державы» *любими* средствами), а ростки социализма постепенно затухают, так и не успев избавиться от мутантных форм, вытесняются капиталистическими отношениями; во втором – в СССР периода нэпа – ставились социалистические задачи и наращивалось использование социалистических методов их достижения. В конечном итоге эта попытка, правда, выродилась. Но выродилась именно вследствие отхода (объективно неизбежного или вызванного субъективными причинами – это мы сейчас не рассматриваем) от названной выше стратегии.

(6) Обеспечение форм базисной демократии (строительство «социализма гражданского общества», говоря языком нового века) как абсолютно необходимое условие реализации всех названных выше процессов.

К сожалению, в СССР социальные и политические условия оказались неблагоприятны для решения задач опережающего развития, некапиталистические формы решения проблем технологического развития и роста потребления не были найдены (или были найдены лишь отчасти – в сферах образования, фундаментальной науки, культуры).

Возвращаясь к теме статьи, мы можем сделать вывод, что Октябрьская революция, как и практически каждая революция, произошла в условиях, когда налицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения. В этом случае великая миссия и ответственность революционных сил

состоит в том, чтобы суметь «достроить» недостающие элементы нового общественного здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившейся пойти в сложнейших условиях кризиса Российской империи именно по этому пути, не предав – из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам, – интересов и действий широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира. Другое дело, что выдержать эту линию «достраивания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим alter ego – мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков мутантный социализм был еще и их подвигом – подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Ну а далее работает теоретически отображенная закономерность: в той мере, в какой «достроить» предпосылки социалистической революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контрреволюцию, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мутаций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.

Примеры таких мутаций – не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе – мутантно-капиталистические монстры конца XIX – начала XX века, соединявшие в себе военно-феодальные и империалистические черты. И если в случае СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой Октябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то применительно к буржуазным преобразованиям в Российской империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма¹. Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодального империализма» с массовой нищетой, неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором – были слишком слабы и нерешительны. Диалектика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее, и отчасти

¹ Диалектика «опережающих» и «отстающих» мутаций раскрыта в наших статьях в журналах «Вопросы экономики» (2001, № 12) и «Вестник Моск. Ун-та. Сер. Экономика» (2002, № 3, 4, 5).

мы постарались в первой части статьи показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

И еще, повторю: *не-свершение объективно назревшей революции чревато регрессом и жертвами гораздо большими, чем в условиях ее свершения.* Да к тому же это были бы жертвы социального регресса.

Это в полной мере относится и к Октябрьской революции. Ее не-свершение в 1917 году было чревато не мирным процветанием в духе бельгийской социал-демократической «монархии» нынешней поры, а кровавой диктатурой и продолжением Мировой войны вкупе с продрозверсткой, начатой отнюдь не большевиками, а царским и Временным правительствами.

2.2. Что принесла Октябрьская революция России и миру: диалектика интернационализма и патриотизма

Здесь мне менее всего хотелось бы повторять тезисы, развитые в работах десятков ученых, писавших о всемирном значении Октябрьской революции. Да, в этих работах, особенно написанных на заказ и в годы ужесточения цензуры, было много лжи, но главное все же было сказано. Особенно важным в этом было то, что наша революция стала важнейшим импульсом для той частичной социализации и гуманизации капитализма, что была характерна для него в XX веке и отчасти сохраняется и сейчас. Но это общеизвестно.

Сегодня мне представляется более важным полемизировать с теми из защитников идеи Октября, кто наряду с действительно мировым значением Октябрьской революции, изменившей историю Человечества в XX веке, акцентирует ее роль в создании «великой советской державы». Этот акцент ныне становится особенно моден, и не случайно: распад СССР лишил нас могучей Родины, а наблюдающееся в последние десятилетия стремление США и других глобальных игроков окончательно сформировать новый однополюсный имперский порядок еще больше подливает масла в огонь. Все это можно понять. Но нельзя оправдать.

И дело здесь не в том, что СССР не был великой державой. Он был (какой именно – это другой и очень важный вопрос и автор об этом немало писал ранее). Дело в том, что позитивный импульс Октября, в результате которого и удалось создать двухполюсный мир, был анти-державным. Более того, на первый взгляд он выглядел как *стратегия разрушения державы* (империи): односторонний выход из войны и сдача территорий; предоставление экс-колониям права на самоопределение вплоть до отделения; курс на интернационализм и равноправие наций и народов – все это очевидные антитезы и прежней, и нынешней державно-имперской тенденции. И неслучайна в этой связи нелюбовь, а то и ненависть нынешних державников к Ленину – пожалуй, крупнейшему теоретику и практику интернациональной модели выращивания социализма.

Коротко главный импульс Октябрьской революции может быть выражен просто: *развитие международной солидарности социалистических сил как главное*

средство решения проблем социализма и («попутно», тем самым) укрепления первых практически создающих социализм особых государств.

Расшифрую эту тезу. Национальное государство можно строить разными способами. Тем более – если это государство, претендующее на роль «державы» (а то и империи), то есть на роль центра-покровителя, защитника, «собирателя» и «держателя» земель – в лучшем случае, эксплуататора и диктатора по отношению к периферийным составляющим – в худшем. Традиционно известны два.

Один – насильственное подчинение периферии центру и конфронтация со всеми претендентами на то, чтобы эту «державу» потеснить на мировой арене. Плюс жесткий протекционизм во внешнеэкономических связях и культурный изоляционизм вкупе с великодержавным шовинизмом.

Второй вариант – экономическая экспансия, подчинение мира путем распространения власти крупнейших корпораций.

Первый способ был и остается характерен для добуржуазных методов строительства империй. К сожалению, и в XXI веке он не ушел в прошлое. Его используют и те, кто не преуспел в экономической экспансии (от исламского экспансионизма до интенций российских державников строить самодостаточную «периферийную империю»), и те, кто не прочь дополнить свое экономическое господство военной силой. Второй способ в чистом виде никогда не существовал: это о США сказано, что господство «Макдональдсов» невозможно без «Макдоннел Дуглас» (производитель «Фантомов»).

Октябрьская революция открыла дорогу для реализации на первый взгляд невозможного проекта – *расширения влияния и роли отдельного государства или союза равноправных государств путем... отказа от экономико-политической экспансии*, более того, путем борьбы с ней.

Как именно? На этот вопрос ответ дает теория и практика, предложенная большевиками, начиная с 1917 года. Вот лишь несколько аспектов.

Первый. Как решить проблему победы в Первой мировой войне? Решение, предложенное Лениным, выглядит абсолютно парадоксальным, но в конечном итоге оказывается верным: заключить мир с врагом, ибо в силу своих внутренних противоречий он завтра станет союзником, если помочь прогрессивным силам в стане этого врага. Революции в Германии и Венгрии стали первыми шагами в этом направлении.

Второй. Как обеспечить единство народов бывшей царской империи? Опять парадоксальный ответ: дать им право на отделение, но поддержать те силы, которым равноправный союз «выгоднее», чем сепаратизм.

Третий. Как преодолеть изоляцию СССР со стороны остальных государств? И вновь «перпендикулярное» предложение: развивать диалог не с властными структурами, а с организациями трудящихся, которые своей активностью вынудят элиту идти на союз.

Это лишь некоторые аспекты, показывающие, как социальный подход, основанный на понимании противоречий интересов прогрессивных и консервативных

сил, существующих в каждой стране, ориентированный на интернациональную солидарность этих прогрессивных сил, позволяет принципиально по-иному решать кажущиеся неразрешимыми геополитические проблемы.

Именно на этом пути СССР, сократив после окончания Гражданской войны армию в несколько раз и тратя денег на оборону меньше, чем любая из империалистических стран, смог обеспечить безопасность нового государства в действительно чудовищно враждебном окружении и изоляции. Почему? Да потому, что мы предложили мирную интернационалистическую альтернативу, которая оказалась притягательна для социалистических и национально-освободительных сил. Потому, что мы предложили социальную модель, привлекательную для трудящихся и их организаций во всех странах мира. Потому, что мы предложили такую образовательную и культурную политику, которую не могли не поддерживать широчайшие круги прогрессивной интеллигенции в США, Европе, Азии и т. п. *Это была мирная социальная и культурная экспансия новых принципов и внутренней, и внешней политики, предполагающих равноправный диалог и солидарность.*

Да, начиная с 30-х годов сталинизм изменил эту линию, ломая ее основы – равноправие, солидарность и интернационализм – и дополняя ее во все большей степени традиционной политикой экономического и военного экспансионизма. Но эта модель и сегодня остается крайне актуальной. Единственный способ действительного роста престижа и влияния нашей страны сегодня – это не рост вооружений и экспорта нефти, а реализация таких «правил» внутренней и внешней политики, таких моделей организации экономической, социальной, культурно-образовательной сферы, таких проектов открытого сотрудничества и солидарности с общественностью и социальными движениями других стран, которые станут притягательными и для международного гражданского общества, и для прогрессивных интеллектуалов мира. А они уже в свою очередь заставят свои правительства считаться с нами и уважать нас.

И этот проект для России XXI века в принципе не более романтичен, чем ленинский план создания СССР и проведения мирной внешней политики в условиях блокады 20-х годов прошлого века¹. Единственный «пустяк», который мешает его реализации, – общественно-политические силы, стоящие у власти в нашей стране. Так мы в точном соответствии с буквой и духом Октября упираемся в то, что *ключ к решению геополитических проблем лежит в области социально-политической.* И это один из важнейших уроков свершенной 90 лет назад революции.

¹ Критика державного проекта для России и обоснование возможности новой социокультурной «экспансии» нашей страны даны в статье: Бузгалин А., Колганов А. «Серые» приходят в сумерках // Альтернативы, 2006, № 1.

2.3. Нужна ли XXI веку социалистическая революция? (Политические и экономические основания социализма как мира культуры)

Отвечу сразу и коротко: да, нужна. Более того, нужна не просто социалистическая, но *коммунистическая социальная революция*, т.е. не политический переворот в духе сталинского «экспорта социализма», а качественное изменение всей системы общественных отношений в процессе перехода к «царству свободы», сопровождающееся, в том числе, и качественными политическими изменениями.

И здесь возникает один из ключевых пунктов моих разногласий с теми, кто считает, что в новом столетии экономическая и политическая критика капитализма невозможна, что социальное рыночное хозяйство и социал-демократическая политическая модель есть вершина экономико-политического развития, ее же не преидеши.

В странной политико-духовной транскрипции русского традиционализма эту идею высказывает Г. Зюганов, для которого «лимит на революции исчерпан» и все задачи в области экономики и политики сводятся к совершенствованию нынешней капиталистической системы, а главные проблемы лежат в сфере укрепления традиционных российских духовных ценностей.

В рамках философского-культурологического «дискурса» эту тезу развивают В. Межуев и некоторые другие видные философы-культурологи. Профессор Межуев вслед за Марксом, а также своими учителями и коллегами-шестидесятниками справедливо подчеркивает тезис о том, что коммунизм есть пространство культуры¹. И это действительно так: если под культурой подразумевать не отрасль народного хозяйства, а пространство и время, в которых человек снимает границы своего индивидуального существования (Шекспир и Эйнштейн, Толстой и Ломоносов вечны и всемирны), находится в поле неотчужденных общественных отношений, творчества, то этот мир и есть иное имя коммунизма.

В качестве отступления замечу: именно таким справедливо рисуется мир будущего в произведениях А. и Б. Стругацких, И. Ефремова и даже современного фантаста Ахманова; это мир педагогов, врачей, ученых, поэтов, «прогрессоров» – людей, занятых совместным творением культуры и общества вне узкого горизонта наживы и власти².

¹ В журнале «Альтернативы» этот тезис так же звучал неоднократно. См.: Злобин Н. С. Коммунизм как культура (1995, № 1); Межуев В. М. Социализм как пространство культуры (1999, № 2). Автор развил тезис о коммунизме как мире со-творчества, креатосферы, в частности, в книгах «Будущее коммунизма» (М., 1995) и «По ту сторону царства необходимости» (М., 1998).

² См.: Хазанов В. Е. Основы социального оптимизма. Миры Ивана Ефремова и пути человечества в будущее. М.: КомКнига /URSS, 2006; Колганов А. Редкий жанр: утопия //Альтернативы, 2005, № 3.

А теперь вернемся к философской полемике. Из названной выше справедливой посылки В. Межуевым выводится совершенно ошибочное следствие: единственное отличие коммунизма от предшествующих обществ лежит в сфере культуры. Никаких качественных преобразований в социально-экономической и социально-политической области не нужно, ибо коммунизм (обычно В. Межуев говорит "социализм") – это не новая общественная система или тем паче способ производства, а лишь некоторое пространство-время инобытия человека после того, как он вышел за рамки завода или офиса.

Однако¹.

Еще К. Маркс заметил, что «царство свободы» (мир культуры) может «расцвести» только на базе соответствующего развития «царства необходимости». Поэтому первостепенно значимым становится ответ на вопрос: какой именно тип организации экономико-социальной жизни будет адекватной основой для свободного развития «пространства культуры»? Я бы эту проблему переформулировал следующим образом. *Мир свободного развития человеческих качеств (культуры) формирует своего рода «социальный заказ» к технологическим основам общества, экономическим и социальным отношениям, политической системе и т. п.* Все они должны быть адекватны для решения задач прогресса креатосферы, мира культуры, Человека.

Теперь давайте задумаемся: насколько адекватны для прогресса последних конвейер, рынок, наемный труд, политическое манипулирование, господство СМИ и т. п.?

Видимо, профессор Межуев знает, что деньги – это не просто способ обмена и калькуляции издержек, но еще и особые общественные отношения (еще Шекспир знал, что деньги способны превратить зло в добродетель, а из человека сделать циника или преступника). Что рынок – это система, формирующая «экономического человека», мотивы и ценности которого определяются соображениями выгоды. Что наемный труд предполагает отчуждение работника от целеполагания и других атрибутов творческой деятельности. Что воспроизводство капитала при отсутствии социально-политического противодействия со стороны трудящихся ведет к социальной поляризации и развитию массовой нищеты (от которой капитализм никогда не был свободен и не свободен сейчас). Что господствующие ныне системы властных отношений при помощи современных технологий политического, идеологического и т. п. манипулирования обеспечивают концентрацию власти в руках отнюдь не деятелей культуры, а совсем других социальных сил. Что массовое потребление, массовая культура и средства массовой информации формируют человека-мещанина, которому мир культуры принципиально чужд, который отторгает и омертвляет подлинную культуру...

¹ Полемика с В. Межуевым по затрагиваемым ниже вопросам представлена в работах Б. Ф. Славина. См.: Межуев В., Славин Б. Диалоги о социализме. М., 2001; Славин Б. Бегство от реальности, или новая теория социализма Вадима Межуева // Альтернативы, 1999, № 4.

Неужели такая система и есть тот адекватный для «коммунизма как пространства культуры» базис, на котором расцветет будущее «царство свободы»?

Продолжим. Даже сам по себе мир культуры не существует вне экономических и политических процессов.

Скажите, профессор Межуев, для прогресса культуры безразлично, какой будет собственность на знания? Вы справедливо развиваете тезис о том, что для мира культуры адекватна лишь всеобщая собственность – собственность каждого на все. Но рынок и капитал требуют и воспроизводят частную собственность на феномены культуры.

Скажите, для мира культуры безразлично, общедоступным или коммерчески-элитарным будет образование?

А безразлично ли для него, куда будут направлены основные ресурсы развития человечества, в том числе «человеческий капитал», – на экспансию финансовых спекуляций, милитаризма, масс-культуры или на воспитание, обучение, здравоохранение, развитие искусства, решение проблем рекреации природы и общества?

А между тем это все сугубо социально-экономические и социально-политические проблемы...

Другой вопрос, что первые попытки создать антикапиталистическую модель решения этих и многих других проблем оказались крайне противоречивы. Я уже не раз писал, что советская система при всех ее достижениях в области науки, образования и искусства была весьма далека от создания адекватных социально-экономических и политических предпосылок для прогресса культуры. Но поражение первой попытки разработать и практически реализовать модель нового общества не может служить для ученого аргументом принципиальной неосуществимости нового проекта: *ученый* прекрасно знает, сколь долг и многотруден путь разработок и реализаций новых стратегических проектов в любой сфере деятельности человека.

Вот почему я вслед за моими учителями и совместно с моими коллегами постоянно работаю над проблемой поиска реальных тенденций движения к экономике и обществу будущего, реальных ростков этого будущего в сегодняшней действительности¹.

А теперь о том, почему я счел столь важным именно в этой статье воспроизвести полемику с академическим ученым – профессором Межуевым – на, казалось бы, отвлеченную тему. Причина проста: Октябрьская революция была не просто политическим переворотом и не только попыткой (в конечном итоге закончившейся поражением) создать плановую экономику и советскую политическую систему. По своему самому глубокому смыслу она была *революцией против*

¹ Краткое суммирование итогов этой работы и обзор ряда работ по проблемам экономики будущего содержится в статье: Бузгалин А., Колганов А. Социализм после «социализма»: ответы на вызовы неэкономии. // Альтернативы, 2006, № 4. См. так же: Бузгалин А. В. Ренессанс социализма. М., 2003.

«царства необходимости» и началом масштабного, по сути дела всемирного поиска практических путей формирования предпосылок и основных элементов «царства свободы».

Отсюда важность акцента, который сделал еще К. Маркс, развил Ленин¹, а затем и многие марксисты, в том числе Межуев: *первостепенная задача коммунистической революции – формирование условий для максимального свободного и быстрого прогресса человеческих качеств* («коммунизм есть практический гуманизм»), со-творчества, культуры. И в этом смысле важнейшим достижением Октябрьской революции стали не Днепрогэс и Спутник как таковые, а те миллионы (хотя, к сожалению, не миллиарды) людей, которые по всему миру – и прежде всего в СССР – жили и работали не ради денег и не ради власти. Им было интересно и талантливо творить новую жизнь и, прежде всего, новую культуру. Не просто книги и фильмы, знания и космические корабли, но культуру как пространство и время неотчужденного бытия человека, неотчужденных человеческих отношений – культуру как пространство коммунизма.

И это важнейший урок для социализма будущего: по большому счету он может и должен начаться с *социокультурной революции, важнейшее содержание которой – снятие экономических и политических форм, тормозящих прогресс человеческих качеств, креатосферы и создание предпосылок для выращивания новых общественных форм, помогающих ускоренному прогрессу культуры, Человека*. Без этого экономические и политические преобразования вырождаются в свою противоположность.

Но столь же верно и обратное: *без социально-экономической и политической социалистической революции прогресс культуры никогда не станет определяющим параметром человеческого развития*.

¹ Вклад В. И. Ленина в эту проблему раскрыт, в частности, в книге Н. С. Злобина «Культура и общественный прогресс» (М., 1979).